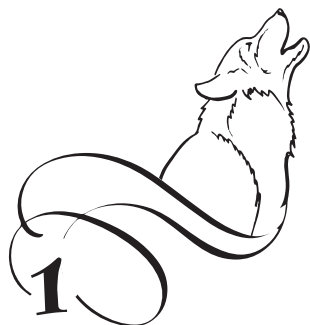

Джону, Элизабет и Торквемаде

Действие этой книги разворачивается в вымышленный период истории Англии вскоре после восхождения на трон Доброго короля Якова III в 1832 году. Недавно был достроен Туннель под Каналом между Дувром и Кале, и множество волков из Европы и России, поднятые с обжитых мест суровыми зимними морозами, мигрировали через него на Британские острова.

Стояли сумерки — зимние сумерки. На чередке ровных холмов лежал белый сверкающий снег, с ветвей деревьев в лесу свисали сосульки. Снег лежал сугробами и на темной дороге через равнину Уиллоби, но здесь его с самого утра расчищали люди с лопатами и метлами. Их были сотни, этих тружеников, и они кутались в мешковину из-за лютого мороза и держались кучно, поскольку опасались волков, которые от голода совсем потеряли страх. Лежал снег толстым одеялом и на крыше Уиллоби-чейз, огромного дома, который стоял на безлесном холме в самом сердце равнины. Однако же вид у Уиллоби-чейз был гостеприимный — этакая теплая крепость, где тебя любят и ждут. Стены из сложенного елочкой розового кирпича были начищенные и ухоженные, контуры многочисленных башенок и зубчатых стен вырисовывались на фоне неба, а за каждым резным балкончиком с белой снежной каймой светило по золотому квадрату окна. Внутри везде горел свет и звенели бойкие деловитые голоса — словно в противовес мрачной песне ветра и кровожадному вою волков снаружи.

В детской у огромного, в четырнадцать футов высотой, окна, откуда был виден большой участок черной дороги за парком, подскакивала от нетерпения маленькая девочка.

— Она уже скоро придет, да, Паттерн? — повторяла она ежеминутно.

— Сдается мне, мисс Бонни, как только она придет, мы сразу об этом услышим, — неизменно отвечала служанка, которая стояла на коленях перед камином и прилежно плоила оборки на двадцати кружевных нижних юбках.

Девочка в нетерпении вернулась на свой пост. Она вскарабкалась на широкий подоконник, чтобы лучше видеть заснеженный парк, и теперь подпрыгивала на разложенных там тугих подушках, обтянутых темно-красным атласом. Под-

скакивала она высоко-высоко, будто хотела достать до потолка.

— Перестаньте, мисс Бонни, прошу вас, — попросила через некоторое время Паттерн. — Только посмотрите, сколько пыли вы подняли. Мне и щипцов не видно. Идите сюда, посидите у огня. Вот-вот придет поезд, осталось ждать совсем недолго.

Бонни неохотно слезла с подоконника и подошла к камину. Была она совсем тоненькая, маленькая для своих лет, но румяная, с копной черных локонов, рассыпавшихся по плечам, и яркими-яркими синими глазами, постоянно готовыми и заискриться от смеха, и вспыхнуть от возмущения. Квадратный подбородок тоже выдавал сильный и упрямый нрав, который не всегда удавалось обуздывать. Но губы у девочки были мягкие и нежные, и иногда она бывала очень задумчивой, например сейчас, когда она сидела и глядела на огонь в камине с двумя резными алебастровыми подставками для дров.

— Только бы поезд не задержали из-за волков, — проговорила она через некоторое время.

— Что за глупости, милая мисс Бонни, не забивайте такими мыслями свою прелестную головку, — отозвалась Паттерн. — Вы же знаете, что и носильщики, и начальник станции всю неделю упражнялись в стрельбе из мушкетов и охотничьих ружей.

Тут снизу послышался какой-то шум, и Бонни обернулась; она вся сияла от предвкушения. Лай собак, возгласы людей и трезвон в дверь не прекращались, и тогда Бонни, вне себя от волнения, спрыгнула на пол просторной детской, натертый до зеркального блеска, и помчалась по парадной лестнице вниз, в переднюю. В спешке она оступилась и свалилась прямо к ногам очень высокой и худой дамы, с головы до ног закутанной в дорожное платье из серой саржи с жестким воротничком. На даме были темные очки и болотно-зеленые башмаки на пуговицах. Бонни врезалась в нее с такой силой, что та едва не

упала с ног, однако дама сохранила равновесие, воскликнув с досадой:

— Какая непростительная невоспитанность! И кто же это? — Она поправила очки на носу. — Неужели это одичалое создание — моя новая ученица?

— П... п... простите, пожалуйста! — выпалила Бонни, поднимаясь на ноги.

— Спасибо и на том. Вы и есть мисс Грин, полагаю? Меня зовут мисс Слайкерп, я ваша новая гувернантка. Кроме того, я ваша четвероюродная тетушка, — высокомерно добавила дама, как будто предпочла бы, чтобы родство было еще дальше.

— Ой, я не знала... — пролепетала Бонни. — То есть я думала, вы должны прибыть только завтра. Я ждала мою кузину Сильвию, она приедет сегодня вечером.

— Об этом я осведомлена, — холодно отвечала мисс Слайкерп, — однако ее приезд не оправдывает дурных манер. Где книксен, скажите на милость?!

Разволновавшись, Бонни церемонно присела — совсем не так грациозно, как обычно.

— Вижу, уроки этикета займут первое место в нашем расписании, — заметила мисс Слайкерп, после чего отвернулась, чтобы проследить за доставкой багажа. — Вот вы, например! Нечего тут слоняться без дела и глупо ухмыляться — проследите, чтобы багаж отнесли ко мне в комнаты, и сейчас же пришлите мне горничную.

Лакей Джеймс, который только что состроил кислую мину дворецкому, чтобы показать, что ему не досталось чаевых, тут же вытянулся во фронт.

— Горничную, мисс? Вас сопровождает горничная?

— Да нет же, бестолковщина. Мне нужна горничная, которую ко мне приставила леди Грин.

— Тогда, должно быть, вам будет прислуживать мисс Паттерн. — Джеймс почесал в затылке, взвалил на плечи один из девяти саквояжей моржовой кожи и потопал к лестнице для слуг, пошатываясь под его тяжестью.

— Я покажу вам ваши комнаты, — тут же вызвалась Бонни, — а когда будете готовы, проведу к папе и маме. Надеюсь, мы друг друга полюбим, — продолжала она, пока они шли по роскошной мраморной лестнице, а потом по портретной галерее. — Мне столько всего нужно вам показать — и коллекцию кремневых наконечников, и полудрагоценные камни.

Мисс Слайкерп неодобрительно поджала губы, и Бонни испугалась, что ведет себя чересчур навязчиво, и сочла за лучшее не рассказывать больше о своих увлечениях.

— Вот ваши покои, — сообщила она через некоторое время, открыв дверь, за которой располагалось несколько просторных комнат, с большим вкусом отделанных красным деревом с позолотой; в каминах весело горел огонь. — А вот моя горничная Паттерн, она будет вам прислуживать.

На это мисс Слайкерп намурила брови, но выразила признательность легким кивком. Паттерн уже стояла на коленях перед чемоданом и доставала оттуда все, что могло понадобиться гувернантке в ближайшее время.

— Теперь я оставлю вас ненадолго.

Бонни хотела было уйти, но повернулась, чтобы добавить: «Я найду через полчаса, хорошо?» — и оцепенела: мисс Слайкерп схватила с подставки тяжелую мраморную щетку для волос и больно ударила горничную, которая достала из чемодана портфельчик, видимо, с бумагами и письмами.

— Ах, любопытная негодница! Кто позволил вам рыться в моих письмах? — закричала гувернантка.

Бонни мгновенно вспыхнула, как порох, вырвала щетку из рук мисс Слайкерп и швырнула ее, не глядя, прямо в окно зеркального стекла. Схватила кувшин теплой воды, который только что принесла горничная, и выплеснула прямо в лицо новой наставнице.

От такого мисс Слайкерп пошатнулась и едва не упала, чепчик у нее свалился — вместе с седыми волосами: как выяснилось, это был парик, и теперь она стояла посреди комнаты лысая, мокрая до нитки и вне себя от ярости.

— Какой кошмар! Извините меня, пожалуйста! — Бонни и сама оцепенела от испуга. — Я не нарочно. Я ужасно вспыльчива, это мой недостаток. Но и вам не стоило бить Паттерн. Она моя лучшая подруга. Ой, Паттерн, помогите же ей!

Горничная подала мисс Слайкерп сухой парик на смену и исправила все повреждения, нанесенные водой, но стиснутые губы и раздувающиеся ноздри показывали, как мало удовольствия принесла ей эта работа. На щеке у Паттерн, там, где ее ударили щеткой, проступила багровая полоса.

— Вон! — Мисс Слайкерп указала Бонни на дверь.

Бонни была только рада послушаться. Но через полчаса вернулась, за это время приложив все усилия, чтобы укротить свою мятежную вспыльчивость.

— Позвольте я провожу вас к маме и папе, — сказала она, когда гувернантка велела ей войти. Мисс Слайкерп переделалась в другое серое саржевое платье с белым воротничком-стойкой и отложила в сторону мериносовое дорожное пальто.

Она позволила Бонни провести ее в комнаты родителей, но сначала заперла несколько ящичков стола, куда сложила бумаги, а ключи спрятала в ридикюль, подвешенный на цепочке к поясу платья.

Бонни, которая не умела долго сердиться, вприпрыжку побежала вперед и на ходу показывала спутнице и погреб, куда свалился кузен Роджер, и стенную панель, скрывавшую потайную лестницу, и портик, где обитало привидение, и каморку священника, и прочие достопримечательности своего обожаемого дома. Однако мисс Слайкерп просто шла за ней с таким лицом, что стало ясно: ничего хорошего ее воспитанница от нее не дождется.

Наконец они остановились у двустворчатых дверей, самых роскошных из всех, мимо которых они проходили, и Бонни спросила стоявшего у дверей слуги, там ли ее родители. Слуга ответил утвердительно, и обрадованная Бонни тут же вбежала

внутри и бросилась к элегантным даме и джентльмену, сидевшим на оттоманке у камина.

— Папа, мама! Представляете, какая неожиданность! Это мисс Слайкерп, она приехала на день раньше!

Мисс Слайкерп вошла за Бонни и поздоровалась со своими работодателями.

— Сожалею, что не смог поехать в Лондон, чтобы договориться с вами лично, — сказал сэр Уиллоби, непринужденно поклонившись гувернантке, — однако мой добрый друг мистер Грайп, поверенный, должно быть, рассказал вам, в каком мы находимся положении: накануне отъезда, когда столько забот и хлопот. Я знал, что у нас есть дальняя родственница, то есть вы, мадам, и она живет в Лондоне, поэтому я и поручил мистеру Грайпу разыскать вас и спросить, не согласитесь ли вы взять на себя заботу о моем имении и моем ребенке, пока мы за границей. Кроме вас, у меня только одна родственница, моя сестра Джейн, но она, как вам, возможно, известно, очень стара и немощна, и ей такая ответственность не по силам. Надеюсь, вы с Бонни прекрасно поладите.

Тут мисс Слайкерп приглушенным скрипучим голосом поведала ему историю о щетке и кувшине с водой, однако умолчала о том, что все началось с ее нападения на ни в чем не повинную бедняжку Паттерн. Сэр Уиллоби расхохотался.

— Неужели она и правда так поступила, шалунья? Вот проказница! — Он нежно ущипнул дочку за щеку. — Девочки есть девочки, мисс Слайкерп, и вам, конечно, следует учесть естественное возбуждение и восторг, вызванные вашим прибытием и ожиданием приезда кузины. Не сомневаюсь, в должный срок вы привьете нашей дикарке аристократические манеры.

Леди Грин, темноволосая, с печальными глазами, выглядела очень больной; в эту минуту она слабым голосом спросила мужа, не слышал ли он стука в дверь. Сэр Уиллоби тут же пригласил посетителя войти, и появился начальник станции — черная, неопрятная фигура. В руках он мял фуражку.

— Сквайр, поезд из столицы скоро должен прибыть, — сказал он, почтительно поклонившись каждому из присутствующих. — Соблаговолите разрешить остановку?

— Конечно, конечно, — ответил сэр Уиллоби. — Там моя маленькая племянница, так что пусть мчит сюда на полной скорости. Как вы добрались сюда со станции, старина? Неужели пешком? Передайте Солли мой приказ, пусть доставит вас обратно в коляске, с должным сопровождением, разумеется, и тогда он сможет заодно подождать там и привезти мисс Сильвию.

— Ох, сэр, что спасибо, то спасибо, — с искренней благодарностью сказал начальник станции. — Сразу видно человека благородного, храни вас небеса! Идти обратно десять миль — не ближний свет, устану я, да и мороз крепчает.

— Не стоит благодарности, — сердечно улыбнулся сэр Уиллоби. — Нельзя же, чтобы мисс Сильвия замерзла в поезде насмерть. К тому же на вас могут напасть волки, и тогда бедное дитя проторчит в вагоне по меньшей мере до утра. Так не годится, верно? Ну что, Бонни, что, крошка?

— Ой, папа! — Бонни уже давно теребила его за рукав. — А можно я поеду с Солли в коляске встречать Сильвию? Можно?

— Не следует баловать ребенка, который совершил такой проступок, — заметила мисс Слайкерп.

— Полно, полно вам, мисс Слайкерп, полно, полно, мадам, — добродушно отмахнулся сэр Уиллоби. — Сами понимаете, молодая кровь. К тому же Бонни стреляет по волкам не хуже прочих. Ну ладно, поезжай, крошка, только закутайся хорошенько, не забывай, туда и обратно ехать несколько часов.

— Ой, спасибо, папа! До свидания! До свидания, милая мама, до свидания, мисс Слайкерп!

Бонни нежно расцеловала родителей и выбежала из комнаты искать свой самый теплый капор и шубку.

— Безответственное глупое попустительство, — пробурчала гувернантка и поглядела Бонни вслед взглядом, полным чистой злобы.

— Но помилуйте! — воскликнул сэр Уиллоби, которому голос мисс Слайкерп напомнил о ее присутствии, хотя в слова он не вслушался. — Если поезд еще не прибыл, как вы сюда попали, мадам? Не прилетели же по воздуху!

Гувернантка явно смутилась.

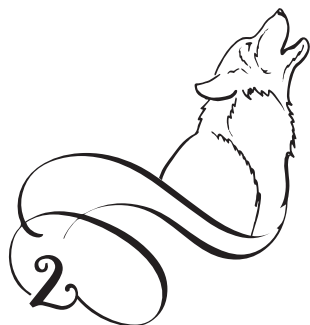
— Э-э... м-м... то есть, видите ли, одна моя приятельница ехала сюда из Бластберна и любезно предложила подвезти меня и мой багаж, — ответила она наконец.

В этот миг в покоях послышался звонок.

— Время переодеваться к обеду. — Сэр Уиллоби поглядел на красивые золотые часы, висевшие на цепочке, которая тянулась по его обширному жилету. — Полагаю, мисс Слайкерп, вы утомлены с дороги и не пожелаете обедать с нами. Вам подадут еду в комнаты.

Он с достоинством склонил голову, давая гувернантке понять, что ей пора идти, и мисс Слайкерп была вынуждена повиноваться.

За два дня до этих событий далеко-далеко, в Лондоне, где Сильвия, кузина Бонни, собиралась в путешествие, разыгрывалась совсем иная сцена.

Сильвия была сирота, ее отца и мать унесла лихорадка, когда она была еще в колыбели. Жила она с тетей Джейн, которая совсем состарилась и одряхлела, почему и написала сэру Уиллоби, чтобы он взял девочку под свою опеку. Он сразу согласился с этим предложением, поскольку Сильвия, насколько он знал, была хрупкого здоровья и деревенский воздух пошел бы ей на пользу. Кроме того, он был только рад, что у его довольно-таки буйной Бонни появится такая кроткая подруга.

Тетя Джейн и Сильвия занимали одну комнату на самом верхнем этаже. Жили они на Парк-лейн, поскольку тетя Джейн не допускала и мысли, что можно поселиться где-нибудь еще. К несчастью, поскольку она была очень бедна, то могла позволить себе снять в этом аристократическом районе лишь крошечный чердачок. Комнату делила надвое очень красивая, но старая занавеска из белой китайской парчи. По ночам тетя Джейн и Сильвия расходились по своим половинам — тетя Джейн спала на диване, а Сильвия на оттоманке. Днем занавеску отодвигали и драпировали у стены изящными складками. Готовить приходилось над газовым рожком, а мыться в большом эмалированном китайском тазу, расписанном драконами:

это было наследство тети Джейн. В остальное время он стоял на журнальном столике у двери и использовался для визитных карточек.

Тетя Джейн и Сильвия шили Сильвии одежду.

Тетя Джейн, вся в слезах, сняла белую занавеску (раз она была больше не нужна) и теперь раскраивала ее. К счастью, занавеска была большая, и материи хватило на несколько сорочек, нижних юбок, панталончиков, платьев и осталось еще на чепчик. Тетя Джейн утирала слезы крошечным лоскутком парчи и шептала:

— А все-таки мне нравится, когда девочки одеваются во все белое, да-да, нравится!

— Жаль, что пришлось изрезать вашу занавеску, тетушка, — сказала Сильвия, которой больно было видеть тетю Джейн такой расстроенной. — Вот исполнится мне тридцать пять, я получу право распоряжаться своими деньгами и тогда куплю вам целый набор белых парчовых занавесок.

— Ты мой ангел, — ответила тетя Джейн и обняла ее. — Но когда тебе исполнится тридцать пять, мне будет сто три.

И она принялась прилежно закладывать складки на нижней юбке и закреплять их тысячами крошечных стежочков. Сильвия со вздохом склонила головку над своим шитьем — у нее стежочки получались почти такие же крошечные. Ей было немного грустно, хотя она ни за что не призналась бы в этом, что придется ходить только в белом, особенно у кузины Бонни, где наверняка кругом красота и роскошь.

— Ну-ка подумаем, — проговорила себе под нос тетя Джейн — иголка в ее руках мелькала, словно молния. — Из чего бы нам соорудить тебе дорожный плащ?

Она умолкла и оглядела комнату — заботливо натертую воском мебель работы Шератона и Хепплуайта, салфеточки на спинках кресел, персидскую ширму, отгораживавшую кухню с газовым рожком. Оконные шторы до того обветшали, что из них было уже ничего не сшить, да и нельзя же остаться совсем без штор на окнах. Наконец тетя Джейн взяла старую зеленую бархатную шаль, которой они иногда укрывались поверх одеяла, когда было очень холодно и они вместе спали на оттоманке.

— Если понадобится, накроюсь своей пелериной, расшитой гагатом, — успокоила она Сильвию. — Не может же один человек мерзнуть так же сильно, как двое.

Ко дню отъезда гардероб был готов. Правда, с башмаками Сильвии было ничего не поделать — хотя они удручающе обтрепались, — но тетя Джейн начистила их смесью сажи со свечным салом, а чепчик Сильвии украсила белым страусовым пером из веера, который дополнял туалет тети Джейн на первом балу. Все имущество Сильвии тщательно уложили в старую ковровую сумку, и тетя Джейн приготовила ей сверточек с едой в дорогу, но строго наказала есть, только когда в купе никого не будет.

— Настоящие леди никогда не едят при посторонних!

У них не было денег, чтобы нанять экипаж до вокзала, а путешествовать омнибусом тетя Джейн наотрез отказывалась, поэтому они пошли пешком, а сумку несли вместе. К счастью, и до вокзала было недалеко, и сумка получилась не тяжелая.

Тетя Джейн нашла подопечной место в углу и поручила ее заботам проводника.

— Не забывай, мое дорогое дитя, — сказала она, поцеловав Сильвию и с подозрением оглядев пустое купе. — С чужими не разговаривай, всем слугам сразу раздай чаевые (я положила все фартинги из своего ридикюля на дно твоего саквояжа), не бери примера с кухни Бонни — я уверена, она прелестное, доброе дитя, но несколько неугомонного нрава, — передай мои самые сердечные приветы братцу Уиллоби и скажи ему, что у меня превосходное здоровье и я ни в чем не знаю нужды, а если с тобой заговорит кто-нибудь кроме проводника, сразу дергай сигнальную веревку.

— Да, тетушка, — послушно ответила Сильвия и обняла ее.

Когда она смотрела, как согбенная фигурка пробирается сквозь толпу, у нее сжималось сердце: как теперь тетя Джейн будет проводить вечера без маленькой племянницы, которая накрутит ей волосы на папильотки и прочитает вслух страничку из «Словаря доктора Джонсона»?

Но тут случилось сразу все, чего так боялась Сильвия: в купе вошел незнакомец и уселся. Правда, он не заговорил

с Сильвией и даже не взглянул в ее сторону, а когда вскоре поезд отошел от перрона и мимо замелькали незнакомые дома с ярко освещенными окнами, мысли Сильвии приняли менее мрачное направление.

Ехать предстояло долго — целую ночь и целый день. Поезд отправлялся в шесть часов вечера, и Сильвия знала, что к месту назначения она доедет только завтра к ночи, часам к восьми. Сколько всего пролетит к тому времени за окном поезда, который покрывал по пятнадцать миль в час — и незнакомые леса, и города, и горы, и просторные поля! Сильвии еще никогда не доводилось покидать Лондон, поэтому она увлеченно глядела в окно, пока все дома не остались позади, после чего ощутила сильную тягу изучить носки своих башмаков, которые тетя Джейн начистила с такой заботой.

Мысль о том, что старушка сейчас педантично готовится ко сну в опустевшей комнате, оказалась для Сильвии невыносимой, и по ее щекам тихо потекли слезы, которые она попыталась вытереть малюсеньким носовым платком (сделанным из двухдюймового обрезка белой парчи).

— Эй, так не пойдет, — внезапно сказал кто-то прямо у нее над ухом, и она испуганно вскинулась и увидела, что незнакомец из противоположного угла купе пересел так, чтобы оказаться напротив нее, и буравил ее взглядом.

Сильвия в последний раз промокнула глаза платочком и принялась величественно разглядывать собственное отражение в темном окне, но сердце у нее так и колотилось. Может быть, уже пора дернуть сигнальную веревку? Она робко покосилась на отражение незнакомца в стекле и обнаружила, что он встал и что-то достает из большого кожаного чемодана. Затем он повернулся к ней и что-то протянул; Сильвия чуть-чуть повернула голову и увидела, что это коробка шоколадных конфет площадью в квадратный фут и в шесть дюймов высотой, вся перевязанная лиловыми лентами.

— Нет, благодарю вас, — промолвила Сильвия самым что ни на есть аристократическим тоном. — Я не ем шоколада.

Однако же ей пришлось разок-другой проглотить слюнки: они с тетей Джейн выпили на дорогу чаю, и трапеза была до-

нельзя изысканной, но не слишком сытной — два тоненьких ломтика хлеба с маслом, вафелька с корицей и кусочек кекса с тмином.

Тем не менее Сильвия твердо знала, что нельзя принимать угощение от незнакомцев, а открыть при нем сверток с провизией — нет, об этом нечего даже думать. Она снова помотала головой.

— Да ладно, берите, — уговаривал ее незнакомец. — Все девочки любят конфеты. Уж я-то знаю.

— Сэр, — холодно произнесла Сильвия, — если вы заговорите со мной еще раз, мне придется дернуть за сигнальную веревку.

Незнакомец сокрушенно покачал головой и убрал коробку. Сильвия перевела было дух, но преждевременно: он тут же повернулся к ней с картонной коробкой из кондитерской, которая была доверху наполнена всевозможными маленькими пирожными — и корзиночками с джемом, и тартинками с кремом, и лимонными суфле, и булочками с изюмом, и россыпью мелкого печенья, покрытого глазурью ярких соблазнительных цветов.

— Всегда беру с собой в поезд перекусить хорошенько, — пробормотал незнакомец, будто ни к кому не обращаясь, и, водрузив коробку на сиденье прямо напротив Сильвии, выбрал себе пирожное с фиолетовой глазурью и принялся за еду. Похоже, оно было с вареньем. Сильвия смотрела прямо перед собой и не обращала внимания на незнакомца, но ей снова пришлось проглотить слюнки.

— Душенька, только посмотрите, сколько тут всякой всячины, попробуйте хоть что-нибудь, — увещевал незнакомец. — Мне одному не управиться, сами видите.

Сильвия встала и повертела головой в поисках сигнальной веревки. Нет, слишком высоко.

— Могу дернуть за вас, если угодно, — предупредительно предложил ее попутчик: он проследил, куда она смотрит, и тоже поглядел вверх.

Сильвия не ответила. Однако ей пришло в голову, что вряд ли будет аристократично взбираться на сиденье или на

подлокотник, чтобы дернуть веревку самой; поэтому она села и прикусила губу, вся дрожа. К ее невыразимому облегчению, незнакомец, съев еще три-четыре пирожных и всем своим видом показывая, как это вкусно, убрал коробку в саквояж, вернулся в богатую шубу, уселся в свой уголок и закрыл глаза. Вскоре из его приоткрытого рта донеслось приглушенное, но мерное похрапывание, которое убедило Сильвию, что он уснул, и она немножко успокоилась. Наконец она достала из надежного убежища под накидкой свою главную драгоценность и нежно покачала в руках.

Это была кукла по имени Аннабель, деревянная, не больше свечки и в простеньком платьице, но для Сильвии не было ничего дороже. У них с Аннабель не было секретов друг от друга, и Сильвию очень утешало, что она не одна сейчас, когда поезд, постукивая, уносит ее в неведомую тьму.

Через некоторое время у нее начали слипаться глаза, и она погрузилась в беспокойную дремоту, но ненадолго — было очень холодно, и ноги в тонких башмаках стали словно две ледышки. Она забилась в угол и закуталась в зеленый плащ, завидуя попутчику, что тот так безмятежно спит, завернувшись в густой мех, и жалея, что забраться на сиденье с ногами — это не аристократично. К сожалению, она точно знала, что так нельзя.

Заснуть по-настоящему ей так и не удалось, но ей снились полярные моря и великанские туннели в горах, окаймленные бахромой сосуллек. У ее попутчика отрос длинный хвост и пара рогов, и он угощал ее пирожными размером с рояль и раскрашенными алым, синим и зеленым, а когда она откусила кусок, оказалось, что они слеплены из снега.

После одного такого сна она вскинулась и обнаружила, что поезд резко остановился.

— Ой, что это? Где мы? — воскликнула она спросонья, не сдержавшись.

— Не тревожьтесь, мисс, — ответил ее попутчик, который тщетно вглядывался в черный квадрат окна. — Скорее всего, на рельсах волки: они здесь то и дело бедокурят на железной дороге.

— Волки! — обомлела Сильвия.

— Правда, в поезда они редко пробираются, — успокоил он ее. — Два года назад они сумели залезть в служебный вагон и съели свинью, а один раз добрались до машиниста — пришлось прислать замену на дрезине, но пассажиров они едят крайне редко, поверьте мне на слово.

Словно нарочно в опровержение его слов за окнами послышался зловещий печальный вой, и Сильвия прижалась носом к темному стеклу и увидела, что поезд проезжает через участок, поросший густым лесом, и на земле лежит глубокий снег. А по этому белому ковру к поезду хлынул целый поток злобных зверей, еле различимый в темноте, и оттуда то и дело доносился этот грозный вой. Сильвия окаменела от ужаса и так и сидела, зажав Аннабель в ледяной дрожащей руке. Потом она собралась с силами и прошептала:

— Почему мы не едем?

— А, должно быть, их слишком много на путях впереди, — беспечно ответил незнакомец. — Сквозь них не протолкнуться, иначе локомотив, понимаете ли, мигом сойдет с рельсов, а тогда нам придется туго. Сдается мне, теперь нужно ждать здесь до восхода солнца: волки не любят дневного света и уберутся восвояси. Главное — чтобы до утра не сожрали машиниста: ну, наверное, он будет бросаться в них кусками угля, чтобы отпугнуть.

— Ой! — не сдержалась перепуганная Сильвия, когда в окно вдруг ударилось что-то тяжелое, и перед ней на миг мелькнула остроносая серая голова, алая пасть, сочащаяся пеной, и светло-серые глаза, сверкающие от ярости.

— Да вы не беспокойтесь. Раз уж заладили прыгать на окна, теперь до света не уймутся. Поодиночке-то они не так уж и опасны, остерегаться нужно только всей стаи целиком, — заверил ее незнакомец.

Сильвию это не особенно утешило. Она подвинулась на середину сиденья и съежилась там, робко поглядывая то в одну, то в другую сторону. Незнакомец, похоже, не особенно боялся волков, хотя те продолжали бросаться на окна еще долго. Он взял щепотку нюхательного табаку, заметил, что это все очень

